

Додатокъ къ 5-му Номеру „Листка“ 1891.

Полезныа знанїа для оугро-рѣсскаго народа.

Минька маиници, было коли погдяти, покемитися, пошалѣти. По шмномъ, по келомъ часъ, насталъ часъ тихій, часъ смітный.

Я та бы такъ казаль, что се по правдѣ благословенныи часъ; бо сей часъ ширедженъ для тогш, чтобы працювати и трудитися для дѣши івої. Изъ великаго посту мы всегда должны бы выйти лѣпшиими, совереннѣйшиими. Подумайте, братъ, кобы мы каждаго великаго посту сдѣлалися лѣпшиими, кобы каждаго великаго посту ширеклися хотъ што едного грѣха, таїи бы мы праведнїи были, когда бысьме пережили горокъ, путьдесѧть великихъ постовъ! А ци дѣлаємсѧ мы лѣпшиими каждаго великаго посту? Ци єсть намъ хотъ на гадцѣ, что грѣха бы доброе творити? что треба бы оуговоршатися?

Майже каждаго дна зовутъ насъ звонъ въ церковь Божію; а ци прійдеть намъ на

гадкѣ, пойти та помолитисѧ? Скащенникъ, дѣлкъ та церковникъ іами говершають ілджѣдъ Божію, церковь поста, никогш въ ней нѣтъ, а великий постъ времѧ святое, благословенное, назначенное для тогш, чтобы въ добрыхъ дѣлахъ оупражнитисѧ, чтобы оуговоршатисѧ!

Вы такъ себѣ гадаете, что кедъ въ великій постъ не будете бѣсти порзнагш (коромнагш), тогда вы уже кшилко говершили, что штъ вагъ пожадаетисѧ. Дакоторїй постаетисѧ весь день, а на вечеръ идъ „постник“ мѣсяцъ мати паленки, такъ бы безъ паленки и постити не можиш было. Благочестивій христіане, въ великий постъ, и не кѣшаютъ паленки. — Я такъ того краино, коли люде первой недѣли поста ѿходатисѧ въ корчмѣ, чтобы спрѣгатисѧ для оранѧ, и первый день поста проводатъ въ пьянствѣ!

Не лишь постити маємъ во ів. великий постъ; но и штъ злагш карокатисѧ: штъ постыхъ скарбдныхъ бегѣдъ, штъ кльвєтъ, штъ паскбднихъ спѣванокъ, штъ івады, и прїазни, штъ нечиштоты, штъ пыхи, зависти, шкожиргтка и великихъ злыдъ дѣлъ.

Якъ того прекрасно, коли люде и простагш дна, такъ оучють зконъ, гайдутисѧ въ церковь, чтобы Богъ послужити! Душа радуетисѧ, коли

Человѣкъ видить благочестивыхъ людей, что на колѣнахъ, простираши къ землѣ го слезами молати Бога, оумилогтиваютъ отца небеснаго въ грѣхахъ своихъ. Наша святая церковь для великиаго поста установила особенное Боголѣбженїе: каждаго патка и каждой середы субботы прежде кащенію, на всѣхъ Боголѣбженіяхъ поклоны и проч. А сїе вшитко для тогѡ, чтобы возводити насъ ко прѣлзни, къ сердечной и окропленной молитвѣ, ко строенїю своеї спасенїя.

Догадлюся, что бы намъ дѣлать, чтобы съ пользою, для своей дѣши, провести сѧ. Великий постъ. И такъ находжѹ, что треба намъ, кроме поста, дважды только молитвиа, такъ другій разъ; кедъ если другій разъ говорили Еденъ „Отче нашъ“, теперь проговоримъ два; и говоримъ съ прѣлзнью, изъ сердца. Кроме тогѡ штыкнемъ хоть штъ едной злой привычки. На примѣръ, кого звыкъ ласти, най держется, най штыкнетъ штъ лайки; кто звыкъ неправдѣ говорити, — най штыкнетъ штъ неправды! Кобы мы хоть штъ едной злой привычки штыкнули, та быль бы для насъ спасителъ сѧ. Великий постъ.

„Царю небесныи“.

Мы такъ зачинаемъ молитва: „Слака текъ
Боже нашъ, слака текъ! — Царю небесныи,
Оутѣшителю, Душѣ истины, кездѣсъи, и кіа
исполнай, гокроши благихъ, и жизни по-
дателю: прінди и вселиса въ ны и шучисти ны
шть всякїа скверны, и спаси блаже душу
наша.“

Сїа молитва направляется къ Духу святымъ, —
третьемъ лицъ ко Тройцѣ святой, и то для тогѡ, ко
Духъ святый есть Прокѣтитель нашъ, и такъ мы, на-
шамъ передъ, прибѣгаємъ къ Духу святымъ, чтобы про-
кѣтиль насъ, чтобы мы знали, такъ должны молитва.

Мы по большей части молимся такъ, что и сами
не знаемъ, что говоримъ. Не правда-ли, дорогиіи братья,
что вы не вшитко разумѣете, что говорите къ молит-
вахъ? Молитва лишь вашъ языкъ, а душа частю не зна-
етъ, не разумѣетъ, что говорить языкъ. Така молитва
мало что стонитъ. Но мы должны молитва съ прѣзною,
должны молитва изъ сердца и души, должны поднати
и сердца и души икон къ Богу. Свк. Апостолъ Павелъ
такъ оучитъ насъ: „Въ церкви хоще пять словесъ
оумомъ (разумительниш) моимъ глаголати, да и ины
полъзю, нежели ты (10,000) словесъ язы-
комъ“ (неразумительниш). (Коринф. 14, 19.) Сїе значитъ,
что колбете пять словъ разумительниш што сердца и шть
души говорити, чѣмъ десять тысячъ словъ неразумительниш
прокормотати.

Если чоловѣкъ такъ молитва, что и самъ не раз-
умѣетъ, что говоритъ, — така молитва можетъ быти

грушина; бо при такой молитвѣ оумѣ инѣды блѣднѣть; ротъ говорить молитвѣ, а душа чей и шдаликихъ грѣшнїхъ дѣлахъ размышляетъ. Но ци можетъ такаа молитва прѣемна быти Богъ? —

Для тогш къ началѣ каждой молитвы, поиѣ тогш, такъ мы словами: „Слава тѣкѣ Боже нашъ, слава тѣкѣ“, воздали такѣ Богъ, доразъ прикѣгаємъ ко Дѣду скатомъ, нашему Прокѣтителю, чтобы проскѣтилъ насъ, чтобы мы могли добрѣ молитви.

Въ молитвѣ: „Царю небесныи“ называемъ мы Дѣда Ската: Царемъ небеснымъ, Оутѣшителемъ, ибо Онъ оутѣшаетъ насъ въ скорбахъ; Дѣхомъ истины или Дѣхомъ правды, ибо Онъ наставляетъ насъ на вѣлкую правду; вездѣ сущимъ, т. є. на вѣломъ мѣстѣ находящимса; вѣа исполняющимъ, т. є. вшитко наполняющимъ, вюдѣ проникающимъ; гокровищемъ благихъ т. є. гокровищницею или вмѣстилищемъ и источникомъ вѣлаго добра, ибо Дѣхъ сватый содержитъ и раздаетъ людамъ вѣакое добро; жизни подаетелемъ, ибо Дѣхъ сватый есть Творецъ свѣта и людей и содержитъ жизнь во всемъ, отогненю къ душахъ нашихъ; безъ милости св. Дѣда души наши не могли бы жити.

Въ сей молитвѣ мы просимъ Дѣда сватаго, да бы пришелъ и вселился въ ны, т. є. занялъ мѣсто въ душахъ нашихъ, подѣйствовалъ въ душахъ нашихъ своею милостїю, и чтобы спасти Онъ благий, т. є. добротливый души наши.

Мирѣйтѣ, дорогїи братья, когда говорите сїю молитвѣ, чтобы есте не говорили: прїиди и вселился въ насъ; но прїиди и вселился въ ны! Всели-

ти а, значить не кеселитися, но жити, шкитати, заняти чѣмто гдѣ-нибудь.

Три святое.

Когда мы попросили Духа святаго, чтобы пришелъ и кеселился въ сердца наши, и спасъ души наши, такъ продолжаемъ молитву: „Святый Боже, Святой Крѣпкій, Святой Безсмертный — помилуй насъ“, юж молитва или пѣснь называется на церковномъ языцѣ — „три святыхъ“, бо въ ней три раза находится слово „святой“.

Когда говорите — „святой Боже“, тогда вы пристаєте къ первой особѣ пресвятой Тройцы — именемъ къ Богу Отцу.

Когда говорите — „святой Крѣпкій“, тогда пристаєте ко второй особѣ пресвятой Тройцы, — именемъ къ Богу Сыну. Богъ Сынъ называется крѣпкимъ, ибо Онъ есть мышца или сила Отца, чрезъ которую Отецъ отворилъ небо и землю.

Когда говорите — „Святой Безсмертный“, тогда пристаєте ко третьей особѣ пресвятой Тройцы, — именемъ къ Духу святому. Онъ называется безсмертымъ, ибо Онъ животворитъ души наши благодатию своею, безъ которой благодати души были бы мертвы т. е. не были бы въ мире и любви къ Богомъ.

Хотя вы въ ней молитвѣ обращаетесь ко всемъ тремъ особамъ пресвятой Тройцы, однако не говорите: „помилуйте насъ“, — а говорите „помилуй насъ“, и то для того, ибо хотят и три особы; но однако лишь одно Божество!

Въ сей молитвѣ просите кы, чтобы и Богъ Отецъ, и Богъ Сынъ, и Богъ Духъ сватый быль милостивъ ками.

Оуже плють надцать сто лѣтъ, такъ сїа молитва или пѣснь зачала оупотреблятися въ Христової церкви. Первый разъ запѣвали єе при архієпископѣ Константинопольскомъ Проклѣ. Тогда было великое землетрусенїе въ Константинополѣ. Народъ въ оужасѣ и страхѣ ходилъ къ церквамъ и молилася, чтобы Богъ прекратилъ землетрушенїе. Среди тєгѡ страха, кихоръ хватилъ и поднесъ къ козадухъ едногѡ хлопца. Когда сей оупалъ изъ козадуха, разсказалъ, что онъ чулъ, что Ангелы такъ спѣваютъ Богѹ: „Свѧтый Боже, Свѧтый Крѣпкїй, скатый Безмертный помилуй насъ“. Перепѣганий люди запѣвали єю пѣснь и землетрушенїеtotчасъ перестало. Отъ тогѡ часу и зачали спѣвати въ церквамъ пѣснь: „Свѧтый Боже“.

Слава и икінѣ.

Помѣ „Свѧтый Боже“, возвращаемъ славу Отцу и Сыну и Св. Духу и говоримъ, что такая слава подобаетъ Отцу, такая и Сыну, такая и Святымъ Духомъ; и оу Отца и оу Сына и Святаго Духа една и также слава, една и также честь, едно и тоже подобаетъ имъ поклоненїе. И сїа слава подобаетъ всѣмъ тремъ Особамъ пресвятаго Тройцы нынѣ и приснѣ и во всѣки вѣки вѣковъ, т. е. теперь, и всегда, и въ безконечнїи всѣки вѣковъ.

Сїе славословїе оупотребляется въ церкви Христовой штъ временъ св. Иелетїя, архієпископа Антіохїйскаго

(360), который состакилъ оное противъ Сакелії и Пакла Самошткагш, неправославиша мѣдрѣтковакшихъ въ трехъ Огобахъ Божества.

„Пресватаѧ Тройцę помилѹй насъ!..“

Воздавъ єднакѹ честкъ и славѣ всѣмъ тремъ Огобамъ Пресватаѧ Тройцы: Отцѹ и Сынѹ и Свѧтомѹ Духѹ, мы такъ продолжаемъ молитва: „Пресватаѧ Тройце помилѹй насъ! Господи ѿчисти грѣхи наша; Владыко прости кеззакшнїа наша; Свѧтый постѣ и исцѣли немишни наша, имене твоє гѡ ради“. Въ сей молитвѣ прежде всігѡ прибѣгаємо ко пресватой Тройцѣ, и словами: пресватаѧ Тройце помилѹй насъ, просимъ, чтобы была намъ милостыка. Испросивъ помилованїя што всіл Тройцы ѿкокѹпниш, возвращаемся оуже штдѣльниш ко всѣмъ тремъ Божественныи Огобамъ. — Словами: „Господи ѿчисти грѣхи наша“, молимся къ Богѹ Отцѹ, ибо Отецъ ѿчищаетъ насъ; словами: „Владыко прости кеззакшнїа наша“; молимся къ Богѹ Сынѹ, ибо Сынъ страданїями сконими проіовѣль себѣ право прощати насъ; словами: „Свѧтый постѣ и исцѣли немишни наша“, молимся къ Богѹ Духѹ Свѧтомѹ; ибо Богъ Духъ свѧтый благодатю скоею и исцѣляетъ немишни наши.

„Имене твоє гѡ ради“, штоноситься къ всей пресватой Тройцѣ, и значитъ: чтобы прославилога Твоє Імѧ, или для Твоєї славы и чести.

I. Садоводство.

Оу нась подъ Бескидомъ (Карпатскими горами), почавше штъ Марамороша по Спишъ, суть сады и родилъ бы ся окощъ, если бы мы знали окощнїи дерева размножати, ихъ дозирати, шкроблати и полъзѣ (хосенъ) изъ нихъ брати. Цѣна на зерно оупала, ибо выкозѣ єгш за границѣ нѣть, оно и за границею родитса, но окощи (грбшки, таблоки, сливы) не кюда. Оуже за Бескидомъ, по талтой сторонѣ нашихъ горъ, въ Галицїи, скорше будеть смерека, талица, чѣмъ таблонь, грбшка:proto, если бы оу нась процкѣтало хотъ къ малой мѣрѣ садоводство, можно бы полѣчили краснїи гроши изъ окощей; найпаче теперь, коли на кѣкъ коки кедуть желеznїи дороги за границѣ. Примѣръ маємъ изъ Орѣховъ колошскихъ, изъ винограда (грозна), которіи возами провадятъ въ Галицїю (польщ). Чуди вы, братка, ш филоксерѣ; она — то есть кошь лиственнаа, аже дробна, цѣста жолтагш, на подобїе желчка мечнагш, питается на коренахъ винничной лозы. Тамъ теперь, на долнихъ сторонахъ, где суть винницы, где она закоренилася и спустошила все, винницы вырубаютъ конъ, и садятъ окощнїи дерева, что бы изъ єгш взяти полъзѣ (хосенъ), если только почва (земля) не есть скалиста, а малка.

Такъ мы штеперь кдемъ писати ш садоводствѣ, и давати совѣты, такъ-бы размножати, сокотити и шходитися съ деревами.

Теперь, коли приближається весна (тарь), первыи дѣломъ гospодаря (газды) есть погирати, такъ потеплѣетъ мало, гденницы съ деревъ и спалити гнѣзда ихъ. Онѣ

гнѣздатія не лишь на конарахъ — голзахъ дерева, но и на городинѣ, плотѣ школы сада.

Гѣсеницы и хробчи (бѣмбаки, сserebogár) много шкоды дѣлаютъ намъ въ садахъ, а найпаче гѣсеницы; они кю надеждѣ на оурожай шобетаютъ намъ. Гѣсеницы на столько шкоды робаютъ нашимъ деревамъ, что деревы токмо въ парѣ годовъ прійдуть къ себѣ, а другіи цѣлкомъ высохнутъ.

Истребляти, нищити, тыхъ черваковъ, перва наша покинностъ. Ничегш не стонть, коли единъ газда оу себѣ смишитъ гѣсеницы, а другій пропустить то істребляти. Сѣть неридивагш, лѣнивагш соѣда, терпитъ другій, ибо гѣсеница лѣзетъ дальше, идетъ на соѣдѣ, задаръ тотъ оу себѣ оунничожилъ ю.

Въ краинахъ нѣмецкихъ: Вюртембергъ и Баварїи, оуже шть давна Острш взалися противъ гѣсеницъ, зато они тамъ теперь цѣлкомъ истреблены. Такъ бы и оу насъ. Пока не настала весеннаѧ (марнаѧ) работа — есть времѧ.

Больше въ „садоводствѣ“ въ імѣдջющихъ письмахъ.

И в. Васильевичъ.

Разсказы и совѣты дѣда Данила.

Въ селѣ Т. . . ходили прилежники (боженики) изъ хижи къ дѣткамъ и брали залоги. Учителъ выдавалъ школьномъ сокѣтѣ тѣхъ дѣтей, которїи не ходятъ ко школѣ; а школьній сокѣтъ съ Паномъ превелебныиъ такъ при-

єдили, чтоки родитељ лѣнивыхъ дѣтей покарати до 50 крейцарокъ. Прислужники тѣгали чокоты, гѣни, петечи, полотно и дрѣгд подрокнинѣ, где что найшли. Прислужники зайдуть въ хижд, берутъ залогъ, а газда лаетъ, кричитъ, проклинаетъ и школд, и попа, и учителя и бирока; газдина плачетъ, заводить. И сеє такъ дѣляеться при каждой хижинѣ. Наконецъ честнїи громадане сходяться въ корчмѣ, чтоки выкесѣдоватися и паленкою заливати ское горе.

— Оугд, тадь такои наши предѣды не ходили до школы, а лѣпше газдовали такъ мы, — сказаиъ Иванъ Чорей.

— Эге, Василь Піактырникъ ничъ не має, тай фандомъ трає, хоть и выучился читати, — што звалася Михайлло Хромакъ.

— Та такъ маю заганяти Федорца до школы, коли и голый и босый; ни петечины, ни обѣки; — проговорилъ третїй мѣдрякъ.

— Я мой Василько оуже патый рокъ ходить до школы, а зато не знає прочитати нѣакое письмо, которое паны заганаютъ въ село.

— Сїй, не такъ тово, нѣтъ, — сказаиъ дѣдъ Данило, который оуже зналъ, ш чемъ будуть громадане толковати и такъ бы изъ хмаръ, такилю междѣими, чтоки сказати имъ доброе слово. — „Тото праѣда, Иване, что наши предѣды лѣпше газдовали, такъ мы, айко не за тово, что до школы не ходили; ай за тово, ко и дрѣгїи люде не были оученки; а теперъ каждый оучится, каждый измагаетса быти оученымъ, та того, кто не оученый, перехитрятъ, перемогутъ; тотъ штанетса на задѣ, и наконецъ долженъ пройти на бѣдѣ, долженъ пропасти. —

Вы на Васила Пактырника не позирайте, ко Василь, хоть даинш и надчился читати, айко ѿ томъ, такъ скѣтъ днесь стоитъ, ничъ не знаєть. Васильови, кобы лишь флашка полна! Такїй человѣкъ, который не любитъ работи, а пити бы пилъ, разумѣется, не переможетъ кѣдѣ.

— Айбо, дѣдѣ, такъ заганати дѣти до школы, коли нее ни гѹньки, ни обувки? Тадь когое, голое лишь не буде итти къ морозѣ!

— Подый тото отецъ, который не іготокитъ ской дѣтина одежчинѣ. Бидиши, брате, и днеська есь выпивъ блашкѣ, и звакра кыпъешь, и по звакро; и днесь есь кыкбріль пакликъ и звакра кыкбріишъ и такъ далѣ; кобы ты тоты крѣйцарики, что прошъешь и прокбріишь, складоказъ въедно, — была бы и надто одежчина. Было бы и книжочкѣ купити — и твой Федорцю надчился бы и Богу іаждити, и себѣ газдовати; тай быль бы порадочныиъ человѣкомъ. Сѣй, кѣда братъ, недкимъ людамъ. Недкомѣ темномѣ человѣкѣ хотъ кто перейде черезъ размѣ. Сѣманѣтый пакъ плаче, айко помочи годѣ. Послѣдайте лишь, честнїи люде, что я камъ бѣдѣ говорити! Сталосѧ тото не даинш къ Берегскай кармедини. Былъ недрожай, хлѣба не было. — Оу єдногѡ газды къ селѣ С... . . . не было много челяди, дѣтей восьмеро! Пришло голодовати; дѣти, знаете, не знаютъ, что тото нее, проіатъ хлѣба, отецъ и мати не могуть дати, сердце имъ резрыкаєса, коли смотрятъ на голодныхъ дѣтей. Зарокѣ нее; что чинити? Тадь лишь не лечи бумирти съ голодѣ. Газда пошолъ идъ Инкелю зычати зерна.

— Позычѣ, чомѣ неѣтъ? говорилъ Инкель; айбо знаешь, Митре, — газдѣ звали Митромъ, — тенгерница теперь дорога, по десятцѣ кобликъ; а фурманка стоитъ

золотоккѣ; та дашь ми дканадцать золотококъ за кобликъ; ко знаешь, не за готоки гроши, — чекати треба, та и пожедъ стоитъ дашто.

— Иного бѣде Янкеликъ, много!

— Та не мѣнишь брати, — шткѣчалъ Янкеликъ.

Боже, что чинити? — подвигалъ Митро, — дѣти пишатъ штъ голодѣ; бѣде, что бѣде, хоть и пропадѣ, а мѣшѣ брати.

— Янкеликъ, та ци дасте кобликъ тенгерици?

— Дамъ, айбо на саимъ передъ бѣдѣне писати контрактъ.

— Пишить, лишь дайте, ко дѣти оумираютъ штъ голодѣ!

Янкель призвавъ такого таиъ пѣлого писаря.

— Пишить, что Кобылакъ Митро долженъ ми 30 золотыхъ, и что сеси гроши могъ затакблокати на єгѡ телекъ!

— Якихъ требацать? таъдъ лишь дканадцать.

— Но чайса, та ты не знаешь, что дканадцать треберныхъ 30 простыхъ? кѣдъ не хочешъ, та не пишишъ.

— Пишить, пишить Янкеликъ!

Контрактъ быль написанъ. Митро догталъ кобликъ тенгерицы. Тенгерицѣ скорш съѣли. Митро пришолъ просити єденъ кобликъ. Янкель далъ. Написали дрѹгїй контрактъ, что Митро долженъ 60 золотыхъ. Контрактъ Янкель затакблокалъ на цѣлый телекъ.

Митро, раздумѣтса, не могъ заплатити жидоки гроши.

Миндалъ єденъ рокъ, Митро не платилъ, миндалъ дрѹгїй, Митро не могъ платити. Янкель заправотилъ Митра. На право назначили терминъ. Митро не зналъ прочитати письмо, та не зналъ и тогѡ, на коли итти на право. Разъ кстрѣчаетса съ Янкелемъ.

— Отъ днесь на мѣсѧцъ маешь итти на право.

— Докрѣ, пойдѣ; ба что штѣ на козьмешъ? Оу мене нѣтъ хѣдовы.

— Оуже лишь дашто найдѣ. — Сказаљ Інкель, присѣрикъ очи.

Митро покровавъ жидови, что на право треба итти черезъ мѣсѧцъ. Айбо жидъ шеманблъ Митра; на право треба было такитися єднимъ днемъ скорше.

Митра сѣдили, бо не явилса на терминъ.

Черезъ єденъ мѣсѧцъ Митро и братъ єгѡ Юрко достали письма, что телекъ прїйтъ продавати. И Митро и Юрко дѣже зачѣдовалися, что письмо пришло и Юркови, коли Юрко не бралъ штѣ Інкела ни зерна, ни грошей.

Дѣло сталося такъ, что коли ихъ отецъ оумеръ, — и его, прощенъ бы, звали Митромъ, — они не давали писати штѣдмерщинѣ, и такъ телекъ стоялъ єще на старомъ. Митро былъ долженъ; но та долгъ и затакѣловали на Митрокъ телекъ. Теперь выписали и экзекѹцїю на сей телекъ.

Телекъ былъ проданъ, купилъ его самъ Інкель, а оба братка съ сконими дѣтьми шемали кезъ ничегш. Коли бы Митро былъ обученый, жидъ не могъ бы написати ємъ контрактъ, что долженъ ємъ 60 золотыхъ, кликто 24; жидъ не шеманблъ бы его, коли итти на право, и такъ Митра бы инишакъ сѣдили; наконецъ жидъ не могъ бы затакѣловати гроши на цѣлый телекъ, а лишь на Митрокъ половинѣ. — Видите, братъ, какъ много стоитъ наѣка! — И такъ, не лайте, але заганайте дѣти до школы!

— Най бы было, кобы дѣти наши могли размѣтти письма; кобы наїмъ писали изъ вармеди нашимъ русскимъ языкомъ, по рѣчи.

— Ко бы есьме вѣѣ знали письма, тогда бы и намъ пи-
вали по рѣки, а сакъ комѣ бѣдѣть писати по рѣки,
коли мы вѣѣ тѣмнїи люде!

— Практѣ вы говорите дѣдикѣ, практѣ. Тото все
было такъ, что вѣѣ лишь рѣснѣ виненъ! Яйко и кѣ
нашѣ оконце, колись оужь закѣтитъ голицѣ!

Еѣдна вдова мати, мѣситѣ нарѣкати.

Дѣти милы дѣти, сиротоньки дѣти,
Икъ же мы бѣдеме на томъ свѣтѣ жити?
Днесъ ранш нашъ Орекъ бѣдѣть продавати
Икъ же мы на скѣтѣ кѣдемъ проживати!
Бшиткѣ нашѣ працѣ корчмары порвали,
Мы, такъ голы вѣ терни, несчастны штали.
Сѣпвіенны, вѣдны, пренесчастны дѣти
За наиньовы грѣхи мѣсатѣ днесъ терпѣти.
Отецъ смарнилъ, пропилъ газдокскѣ хѣдовѣ,
Оужъ Ганьбиласъ скѣта, та скрыласъ до гробѣ.
Ихъ на негш плаче сѧ сиротами мати:
Передъ Богомъ мѣситѣ рахунокъ , авати.
Отецъ широтилъ вѣднѧточки дѣги,
Гдѣже нѣкожатка маютѣ сѧ подѣти?
Люде, братъя, сестры рачьте помагати,
Не дайте сиротамъ вѣ нѣждѣ погиблти:
Мы томъ невинны, что нашъ наинько пили,
Же цѣлѣ хѣдовѣ на напой смарнили!
Бшиткѣ хѣдобочкѣ за паленкѣ дали,
И такъ своимъ дѣтамъ горла подрѣзали!

Мы до смерти на нихъ будемъ плакати,
Во гробъ не будутъ штпочинкъ мати.
Со людкове прикладжъ беркте съ нашей посты,
Же бы не плакали и на васъ сироты!
Беркте себѣ прикладжъ, по корчмахъ не пйтѣ,
На прокламый напой працъ не марните!
Кедъ будете пити, худобъ марнити,
Та по нашей смерти проплачутъ васъ дѣти.
Будутъ сѧ жюрити, притвлкъ гладати,
Я на ваши гробы придути нарѣкати.
Будутъ прегоренъки слезы проливати,
Не будете въ гробъ штпочинкъ мати.
Ахъ, кайтесѧ, кайте, не пйтѣ такъ люде:
Нашей пілатики смѣтный конецъ буде!
Корчмары заберутъ ореки, худобъ,
Васъ грѣшниковъ голыхъ шмарятъ тамъ до гробъ.
Праведный Свдїа васъ буде сдити,
Васъ грози покаратъ за некинны дѣти.
Икъ липово цвѣтъ розлетатса дѣти,
Я будутъ плачучи по хижахъ ходити.
Дѣточки по свѣтѣ будутъ сѧ блокати;
Каша працъ други будутъ поживати.
Будутъ сѧ гостити, кормити, тѣчити;
Я наши сиротки шта голодъ малѣти.
Икъ притвлкъ нигде оужъ не будутъ мати,
Та придути на ваши гробы нарѣкати:
Соткорьсѧ намъ земле, дай притвокъ мати,
Жекы сиротонъки могли спочивати!
На гробъ сиротки молились, дремали;
И тамъ полгали, до рана заспали.

Я. Павловичъ.

